

Н. В. Юдин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ КАРЛА ШМИТТА: СУВЕРЕН, РЕШЕНИЕ, ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Целью статьи является проведение систематического анализа основных категорий учения немецкого философа и правоведа Карла Шмитта о богословских истоках политико-правовой науки. В рамках исследования для интерпретации привлекаются теоретические изыскания некоторых важных европейских политических мыслителей XX века. В качестве средства для интерпретации шмиттовской доктрины выступают идеи современного итальянского мыслителя Джорджо Агамбена, который развивает идеи Шмитта о суверенной власти и чрезвычайности в своем обширном проекте *Homo sacer*. **Новизна** статьи заключается в формировании системы представлений об основных категориях политической теологии в свете интеллектуальных проектов Шмитта и Агамбена. В **результате** были сформулированы выводы об эсхатологической сущности политической теологии, о бинарной природе суверенитета, мессианическом значении суверена и его решения, установлена взаимосвязь с геополитической концепцией номоса Земли.

Ключевые слова: политическая теология, философия права, децизионизм, правопорядок, суверенитет, суверен, решение, чрезвычайное положение, власть, эсхатология, мессианизм

N. V. Yudin

*National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)*

THE KEY CONCEPTS OF CARL SCHMITT'S POLITICAL THEOLOGY: SOVEREIGN, DECISION, STATE OF EXCEPTION

The purpose of the article is to systematically analyze the main categories of the German philosopher and legal scholar Carl Schmitt's doctrine on the theological origins of political and legal science. Within the framework of the study, the author draws on the theoretical research of some important European political thinkers of the 20th century for the purpose of interpretation. The means for interpreting Schmitt's doctrine are the ideas of the modern Italian thinker Giorgio Agamben, who develops Schmitt's ideas about sovereign power and state of exception in his extensive project *Homo sacer*. The **novelty** of the article lies in the formation of a system of ideas about the main categories of political theology in the light of Schmitt's and Agamben's intellectual projects. **As a result**, the author draws conclusions about the eschatological essence of political theology, the binary nature of sovereignty, the messianic significance of the sovereign and its decision, and links it with the geopolitical concept of nomos of the Earth.

Keywords: political theology, philosophy of law, decisionism, law and order, sovereignty, sovereign, decision, state of exception, power, eschatology, messianism

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-1-17-27

Актуальность исследования. Политическая теология Шмитта обращается к богословским корням политико-правовой науки. Переосмысление основных юридических терминов раскрывает сложную природу суверенной власти и суверенитета – идеи, которая в настоящее время часто ошибочно и неконкретно интерпретируется как в узком академическом сообществе, так и в широком общественно-политическом дискурсе.

Целью статьи является анализ и систематизация учения Карла Шмитта через раскрытие триады основных понятий его проекта политической теологии – суверен, решение, чрезвычайное положение, – а также демонстрация развития шмиттовских идей в творчестве других видных европейских мыслителей.

Для реализации поставленной цели потребовалось решить следующие исследовательские задачи:

- провести рассмотрение каждого из понятий триады *суверен-решение-чрезвычайное положение*;
- определить парадоксальную природу суверенитета;
- представить политическую теологию как эсхатологическое учение, в котором раскрывается мессианическая сущность суверена;
- выявить аналогию с другими идеями К. Шмитта (суверенная и комиссарская диктатура, тотальное государство, номос Земли и др.);
- проследить развитие идей политической теологии Шмитта в учениях других философов, особое внимание уделяя рецепции, проведенной Дж. Агамбенем в его теории суверенной власти и чрезвычайного положения;
- описать взаимодействие ключевых понятий и положений шмиттовской политической теологии, представляя абстрактный сценарий принятия сувереном решения о введении чрезвычайного положения как момент, предельный для правовой системы государства.

Центральной работой К. Шмитта, посвященной учению о суверенитете, является «Политическая теология» («*Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*», 1922 г.). Из всей политической мысли наибольшее влияние на Карла Шмитта оказали «отец» идеи суверенитета Жан Боден и Томас Гоббс, которого Шмитт необычайно ценил и относил к мыслителям, занимавшимся разработкой *научного* естественного права, в противовес заблуждениям французских энциклопедистов (Руссо, Монтескье). Шмитт выступал против как руссоистского понимания суверенитета, так и немецкой школы нормативизма, развивающей доктрину правового суверенитета. В возвышении нормы он видел кризис политической и правовой системы буржуазного либерально-демократического государства. В своем учении немецкий мыслитель также опирается на идеологов католической контрреформации и сторонников диктатуры Ж. де Местра, Х. Д. Кортеса и Л. Г. А. Бональда.

В работе «Диктатура» («*Die Diktatur*», 1921 г.), так же, как и последующая за ним «Политическая теология», посвященная проблеме суверенитета и чрезвычайного положения, Шмитт в качестве определения суверенитета приводит цитату из трактата Ж. Бодена из 1 книги, VIII главы:

«Суверенитет есть абсолютная и постоянная республиканская власть, которую латиняне именуют «величием» (лат. – majestatem)» [7, с. 96]. Называя суверенитет «предельным понятием», в самом начале «Политической теологии» К. Шмитт выносит следующую аксиому, впоследствии ставшую классической: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» (нем. «Souverän ist, wer über den ausnahmestand entscheidet») [7, с. 8]. Подлинную глубину этой формулировки можно понять только при подробном разборе, в чем заключается сущность фигуры суверена, его решения и открытое этим решением чрезвычайное положение.

Шмитт убежден, что практически все важнейшие категории науки о государстве есть понятия теологические [9, с. 34]. Они были перенесены из богословия в юриспруденцию и с течением времени подверглись секуляризации, поэтому в современную ему эпоху большинству исследователей уже попросту не ясен их подлинный смысл. Об удивительном сходстве теологии с юриспруденцией говорил и философ Лейбниц [9, с. 35]. Теология, как и юриспруденция, обладает «двойственным принципом, разумом и писанием». Именно убежденность в теологических корнях права и роднит Шмитта с мыслителями католической контрреформации. Такое радикальное для своей эпохи утверждение позволяет Шмитту проводить самые смелые аналогии: *суверен* (Souverän) для государства и правопорядка выступает в качестве Бога. Господство суверена имеет трансцендентную природу, ровно такую же, какой обладает Господь над тварным миром.

Поскольку за сувереном признается высшее право решать вопрос о суверенитете, то для Шмитта он не скован действующими нормами. Именно суверен решает, что считать *исключительным (экстремальным) случаем* (Ausnahmefall) и что предпринять, чтобы этот случай был ликвидирован. Парадокс фигуры суверена заключается в том, что он находится и за пределами, и внутри правопорядка, поскольку он может приостановить действия конституции. Находясь вне права, суверен, подобно Богу, трансцендентен по отношению к праву, но все равно проистекает из него. Установленный в конкретной политической форме суверенитет обладает свойством имманентности: в самой сущности суверенитета как бы «сокрыто» суверенное господство, которое при нормальных обстоятельствах им не проявляется. Точно так же и Господь, который не вмешивается в человеческое бытие с регулярной частотой, но ждет наступления подходящего с Его точки зрения случая.

Итальянский философ Джорджо Агамбен, развивая теорию Шмитта, приходит к интересным заключениям. В своем проекте политической теологии Агамбен вводит бинарную оппозицию суверена и лица, которое может быть осуждено на казнь, называя его *homo sacer* («человек священный»). Стараясь отыскать, откуда проистекает возможность государства нарушать принятый им нормопорядок, философ обращается к следующему правилу из древнеримских Законов XII таблиц: «Если патрон обманет клиента, да будет предан он богам» [1, с. 93]. Такой человек не может быть принесен в жертву богам, но и его

убийство римским гражданином не считается преступлением. По отношению к нему каждый является сувереном.

Таким образом, обреченный на смерть, как и суверен, оказывается выброшенным за пределы правопорядка. Только посредством исключения происходит включение суверена в существующий порядок. Более того, без этих двух полюсов невозможно существование ни правопорядка, ни политики. Обоюдная включенность этих двух исключенных субъектов может гарантировать существование политического в обществе. В этом и заключается радикальность фигуры суверена и его жизни.

Вынесение суверена и «человека священного» за нормальную политическую жизнь гражданина в полисе означает, что и суверен, и осужденный на казнь пребывают в состоянии «голой жизни» (*nuda vita*). Голая жизнь существует в политике только в форме исключения [1, с. 19]. Высшее господство суверена, его способность повелевать, и подчинение, фактическое бесправие осужденного патрона, едины в своем бытии вне права и устремленности к смерти.

Французский мыслитель, исследователь социологии сакрального Ж. Батай в работе «Суверенность» (фр. *La Souveraineté*, 1976 г.) приводит точно такие же характеристики суверена. Суверен, согласно Батаю, живет в состоянии удовольствия, он пребывает в настоящем, не думая о событиях будущего. Отграничение суверена от подчиненного аналогично тому, как в архаическом обществе профанное отделялось от сакрального [5, с. 327]. Суверенность – это всегда жизнь в состоянии момента. Тот, кто суверенен и независим, не имеет страха перед смертью. Суверенный мир – это такой мир, где нет «границы смерти» [5, с. 332]. Батай сближает (но не отождествляет) жизнь суверена с жизнью животного, обитающего в естественном, подлинно независимом состоянии. Суверенность влечет возможность нарушать любой запрет, будь то право или общественная мораль.

Как противник идеи «народного суверенитета», К. Шмитт полагает, что суверенитет может принадлежать только некой фигуре или коллективному субъекту – представительному органу. Если в эпоху абсолютизма бесспорным сувереном являлся монарх, то уже в постреволюционных республиканских государствах с принятой конституцией таковым является коллегиальный орган – законодательное собрание. В «Диктатуре» ученый обнаруживает юридическое противоречие в немецкой конституции 1919 г. Шмитт твердо стоит на позиции суверенности рейхспрезидента в Веймарской республике, поскольку именно президент обладает правом вводить чрезвычайное положение [7, с. 370-371]. Таким образом, подлинное могущество, суверенная власть в республиканском государстве принадлежит народному представительству.

Шмитт не проходит мимо важной дихотомией учредительной и учреждаемой власти. Именно *учредительная власть* (*pouvoir constituant*) есть власть суверена, принимающего конституцию и устанавливающего новый порядок. Ссылаясь на учение Сийеса, юрист отмечает, что конституирующий характер учредительной власти означает ее неограниченность. Такая власть

неограничена никаким принуждением, правовой формой либо ограничением [7, с. 270]. Учреждаемая (или учрежденная) власть, свойственная различным должностям и органам, не может быть выше основного закона. Впоследствии Шмитт будет упоминать на это важное различие в трактате «Номос Земли» (1950) [8, с. 70].

Так как согласно Шмитту, суверен находится внутри и за пределами правопорядка в одно и то же время. Однако он в любом случае пребывает во времени. Таким образом, согласно идее профессора НИУ ВШЭ А. Е. Митько, озвученной им на лекционных занятиях авторского учебного курса «Теология права» (НИУ ВШЭ, 2022-23 учебный год, лекция №3), парадокс суверена и суверенности неминуемо сводится к проблеме темпоральности. Суверен существует одновременно и в историческом времени (хроносе), и в «моменте» (кайресе). Возможность пребывания в кайресе – это то исключительное, что отличает жизнь суверена от иных людей.

Вне сомнений, суверен из «Политической теологии» – это фигура мессианского значения. К. Шмитт нигде не говорит об этом прямо: но общее настроение работы позволяет нам сделать вывод, что суверен является земным предвестником последних времен. Так, в книге «Царство и Слава» Дж. Агамбен усматривает в изображении пустого трона в разных религиозных традициях (от индийских «Упанишад» до христианской иконографии) символизм власти суверена. Пребывающий пустым трон – это одновременно и воплощение величия суверенной власти, и отражение бездеятельной пустоты славы [4, с. 398]. Трон ждет пришествия Господа, ожидает его славы, которая предшествует сотворению мира и ознаменует его конец. Агамбен отмечает, что Бог, как и суверен, «царствует, а не правит», определяя общие законы и волю [4, с. 442]. Этим суверен отличается от назначаемого управителя.

О мессианстве суверена говорит и немецкий философ В. Беньямин в небольшом эссе «Теолого-политический фрагмент». Но Беньямин как автор, близкий идеям марксизма и, соответственно, политической теологии левых, является противником теократии: для него политическое не может быть мессианским. Царство Божие, в которое стремительно ведут человечество мессианские политические лидеры, являются не целью, а концом. Государство должно стремиться к приумножению счастья, а не к приближению конца, который и так предрешен в религиозном пророчестве [11, с. 203].

Решение (Entscheidung, Deziision), которое принимает суверен по своему усмотрению, – еще одно из ключевых понятий политической теологии. К. Шмитт был убежден, что решение фундаментальнее нормы. Решение проистекает из права, оно безусловно имеет правовую основу. В возможности принимать его и кроется суть высшей власти суверена, власти, превосходящей все должностные полномочия. Решение суверена не связано нормами, но может породить новые нормы после их кардинальной отмены через утверждение новой конституции. Очевидна аналогия этого вторжения в существующую правовую реальность с актом Божественного вмешательства в процессе сотворения мира. В подтверждение приоритета решения государственной власти над нормой, Шмитт ссылается на знаменитую гоббсовскую формулу из

«Левиафана»: «Авторитет, не истина создает закон» [9, с. 32]. Под «авторитетом» здесь следует понимать именно верховную власть. Если любая норма является всего лишь репрезентации какой-либо истины, то сама по себе она не может быть фундировать правопорядок, а только выступать в качестве

В «Политической теологии» К. Шмитт как создатель учения «децизионизма» (от нем. *Dezision* – решение) вступает в полемику с австрийским юристом Г. Кельзенем. Последний является автором концепции «основной нормы» как наивысшей, трансцендентном правиле, на котором основывается все, что относится к сфере правового. Отстаивая приоритет решения над нормой, в частности, в государственно-правовой науке, Шмитт приходит к мысли о том, что исключение важнее нормального случая, поскольку только оно способно доказать существование порядка через его приостановление и отмену. Нормальный случай сам по себе «не доказывает ничего» [9, с. 17].

Чрезвычайное положение (*Aushahmenzustand, Notstand*) в теории Шмитта понимается значительно шире правовых режимов чрезвычайного и военного положения, существующих в современном законодательстве. Чрезвычайное положение Шмитт сравнивает с «чудом», вершимым Богом [9, с. 35]. Очевидно, Шмитт соотносит чрезвычайного положение с чудом спасения, подчеркивая сотериологическое значение принимаемых исключительных мер для государства.

Под чрезвычайным положением следует понимать особое состояние, возникшее из ничем не ограниченного полномочия приостановить действие существующего порядка. При наступлении чрезвычайного положения право утрачивает свое верховенство. Введение чрезвычайного положения есть разрешение вопроса о суверенитете. Если чрезвычайное положение наступает, то выясняется важнейшая истина: будет ли существовать государство или оно погибнет.

Государственная форма и жизнеспособность государства, его витальность в экстремальных ситуациях (в «Диктатуре» под такими ситуациями понимается война и мятеж), для Шмитта является более существенным, чем совокупность норм, отражающих правопорядок. В минуту опасности они должны быть отменены для спасения государства. Бессилие актуального законодательства будет вскрыто в момент решения суверена: поэтому любая попытка юридически детализировать режим чрезвычайного положения тщетна. Она не ведет к регулированию и правовому ограничению чрезвычайного положения, а лишь описывает случай, когда право «приостанавливает действие самого себя» [9, с. 16].

К проблеме чрезвычайного положения как состояния исключения обращается и Дж. Агамбен. Верный последователь шмиттовской интеллектуальной традиции, итальянский философ отмечает, что Шмитт первым установил фундаментальное сходство суверенитета и чрезвычайного положения [2, с. 7]. Однако с тех пор так в конституционном и административном праве так и не появилась полноценная теория чрезвычайного положения. Режимы чрезвычайной ситуации как комплекс

юридических мер в актуальном законодательстве представляют собой правовую форму, но таковой она быть не может в силу своей ненормальности, исключительности. Чрезвычайное положение Агамбен понимает как *диспозитив* (термин, введенный Мишелем Фуко в его учении о власти), с помощью которого между правом и реальностью жизни существует связь и разделение. Этот диспозитив является истоком всего правопорядка. Право упраздняет себя для того, чтобы быть включенным в жизнь.

При наступившей чрезвычайности, когда закон приостановлен и достигнута высшая точка его действительности, попросту нереально отличить следование закону от его нарушения. Отмененный закон всецело совпадает с реальностью. Следовательно, любая норма изначально не исполнима [3, с. 139]. Для чрезвычайного положения характерна *аномия* (с др.-греч. – «отсутствие закона, беззаконие»), при которой вскрывается бездейственность закона и всемогущество суверена. Агамбен отмечает: политическое и юридическое понимания мессианизма сводится к теории чрезвычайного положения. В качестве органов государственной власти выступает сам Мессия – он уничтожает закон, исполняя его, и ниспровергает прежнюю власть [1, с. 79].

Бессрочность чрезвычайного положения так же тесно связано с эсхатологией авраамических религий. Отметим, что целый ряд государств, в которых господствует религиозно-политическая доктрина живут в ожидании исполнения пророчества пришествии мессии: это Святой Престол, ожидающий Второе Пришествие Христа, Израиль, который ждет обетованный приход Машиаха и своим существование приближающим этот момент. Наконец, такова природа Ирана, который согласно шиитскому мусульманскому учению, ожидает прихода имама Махди. Все эти политические образования пребывают в состоянии перманентной чрезвычайности: геополитическая напряженность (особенно свойственная Ближнему Востоку) порождает исключительную ситуацию в праве и его применении. Дж. Агамбен замечает, что суверенный Мессия есть фигура, при помощи которой монотеистические религии разрешают вечную проблему закона через его исполнение и завершение [1, с. 76].

В нашем анализе теории Шмитта о суверенитете мы не можем обойти стороной понятие «*суверенной диктатуры*», тем более что уже неоднократно упоминаемый нами трактат 1921 г. предметно и идейно связан с «*Политической теологией*». К. Шмитт, привлекая колоссальный по объему материал, утверждает, что политическая история знает диктатуру двух видов: комиссарскую и суверенную. Диктатура комиссара, корнями уходящая в эпоху республиканского Рима и активно используемая средневековыми государями, призвана спасти существующий порядок, но не в праве его изменить. Комиссарская диктатура должна быть свернута после выполнения всех поставленных перед ней задач по подавлению мятежа или устранения военной угрозы. К полноценным диктатурам суверенного типа Шмитт относит протекторат О. Кромвеля в Англии XVII в. (пусть и с некоторыми оговорками), власть Национального конвента как законодательного органа Первой Французской республики и советскую Россию. В каждом из этих случаев после

свершившейся революции был отменен старый порядок и установлен новый через разработку и принятие конституционных актов.

Опираясь на политические теории контрреформатов (де Местра, Кортеса и Бональда), К. Шмитт приходит к выводу о том, что в диктатуре снимается фундаментальное противоречие между государством и правом. Суверенная диктатура как форма государства стоит в неразрывной связи с чрезвычайным положением. По существу, становление диктатуры и есть момент проявления суверенного в политической жизни: происходит вхождение государства в состояние чрезвычайного положения, в состояние, которое не определено временными рамками, как делегированная власть комиссара.

В «Учении о конституции», «Легальности и легитимности» и ряде других сочинениях Шмитт вводит одиозное понятие «*тотальное государство*». Он отмечает исторический переход от абсолютной монархии и последовавшей за ней либерально-демократической нейтральным государством к государству, где свобода большой не играет былой роли. Новый тип европейских государств 1920-х гг. отличается склонностью к планированию и знаменует поворот к управлению. Усматривая в проекте тотального государства логическую связь со своей концепцией «политического», которое ученый видел в качестве важнейшего политико-онтологического принципа, юрист видит в нем идеал, в котором суверенитет безграничен во времени и пространстве. Если государство произошло из общества, то все частное может быть полностью поглощено публичным. И тогда устранится вечный разрыв между властью и народом [12, с. 59-63]. Политический лидер будет всецело выражать волю населения, которое будет чувствовать суверенное единство с правителем.

Нельзя не отметить поразительное сходство чрезвычайного положения (и теории суверенитета в целом) с другой необычайно влиятельной идеей Шмитта о «*номосе Земли*». Рассуждение о чрезвычайности в России неизбежно уводят нас в поле международного права, в геополитику. Тут суверенная теория Шмитта принимает совершенную иную высоту, нежели чем идея «решительного суверена» из «Политической теологии». В своих геополитических исследованиях («*Номос земли*», 1950 г., «*Порядок больших пространств*», 1939 г.) немецкий юрист вводит новые понятия, органично соединяя их с теорией суверенитета и чрезвычайного положения.

Номос по своей сути, как чрезвычайность, представляет из себя исключение, выступающее фундаментом мирового порядка. Разбирая древнегреческое слово *nomos* (понимаемый им буквально как «первая мера») Шмитт обнаруживает его филологическое сходство с немецким глаголом «*nehmen*», употребляемого в трех значениях: брать (приобретать), делить, пасти (у Шмитта – производить). Все эти действия являются народов суши. Разумеется, подобно тому как решение выше нормы, а исключение (ЧП) важнее нормального случая, так и номос как характеристика пространства (локализации) имеет приоритет над законом (*Gesetz*). Номос предполагает связь между локализацией и порядком, а потому представляет из себя зону, которое

стоит по ту сторону права: номос, как и суверенное, тоже лежит в области естественного состояния.

Дж. Агамбен утверждает, что существует очевидная близость между номосом и чрезвычайным положением, которую К. Шмитт не отмечает, но очевидно подразумевает. Будучи по существу близким к суверенитету, номос связан как естественным состоянием, так и с чрезвычайным положением [1, с. 51-52]. Итальянский мыслитель говорит о номосе как о «суверенном принципе». А. де Бенуа, центральная фигура движения «новых правых», посвящает рассуждению о номосе целую главу в своей монографии о Шмитте [6, с. 143-170].

В «Номосе Земли» («Der Nomos der Erde», 1950 г.) Шмитт определяет империю (Reich) как «*катехон*» (др.-греч. ὁ κατέχων – удерживающий) [8, с. 35]. Такую трактовку христианскому государству из Второго послания апостола Павла к Фессалоникийцам (2 Фес. 2:7) традиционно дают теологи, начиная с патристической эпохи, с Иринея Лионского. Империя удерживает мир от прихода и воцарения Антихриста и не дает наступить последним временам. Идея христианской империи неразрывна связана с другой шмиттовской концепцией *большого пространства* (Großraum) [10, с. 483].

Номос как исключение стоит выше норм международного права. Заметим, что концепция Шмитта о суверенитете не ставит во главу угла пространственные (территориальные) пределы, какими вне сомнений обладают суверенные государства в международном праве со времен установления Вестфальского миропорядка. Для Шмитта подобное ограничение, разумеется, всё так же нормативно, а, стало быть, условно. Если существует противоречие между нормопорядком и номосом как правовой локализацией большого пространства, то вопрос будет решен в пользу последнего.

В заключение теоретического анализа учения К. Шмитта определим несколько сущностных его положений. Во-первых, суверенитет с точки зрения немецкого мыслителя есть понятие, привнесенное в юриспруденцию из теологии и обозначающее высшее господство, «величие». Из двойственной природы суверенитета проистекает несколько парадоксов: исключение высшей власти из нормальной политической жизни, ее пребывание внутри закона и вне него, одновременность пребывания суверена в хроносе и кайросе. Во-вторых, суверенитет неразрывно связан с субъектом, всецело им обладающим. Решение не может быть принято бесформенной массой акторов: нужно лицо, которое своим действием сможет выразить волю – будь то воля одного или согласованная воля многих. В-третьих, для Шмитта, как и для других политических теологов, теория суверенитета сопряжена с темой христианской эсхатологии, поэтому суверен для политической жизни – персона мессианского значения. Наконец, чрезвычайное положение как состоявшееся чудо спасения государства есть воплощенная суверенная воля и наивысшая точка, в которой ликвидируется старая правовая реальность и ей же открывается путь, формирующий новую.

Выводы. Систематический анализ основных понятий политической теологии Шмитта позволил выявить прямую аналогию между суверенным

решением о чрезвычайном положении и эсхатологии как христианским учении о последних днях мира. Тем самым, в шмиттовском учении фигура суверена обладает мессианическим предназначением, поскольку его решение отменяет старый закон для создания нового. Темная внеправовая природа чрезвычайного положения в государстве тесно связано с понятием номоса Земли как явления, стоящего за международным правом. Истинная фундаментальность данных понятий подтверждается в судьбоносные для государства или мирового сообщества моменты истории, каждый из которых в духе кайрологического времени воспринимается как всегда ожидаемое и последнее.

Литература

1. Агамбен Дж. *Homo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
2. Агамбен Дж. *Homo sacer*. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
3. Агамбен Дж. Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам. М.: НЛЮ, 2018. 224 с.
4. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 552 с.
5. Батай Ж. Суверенность // Проклятая часть: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 313–490.
6. Бенуа А. Карл Шмитт сегодня. М.: ТД ИОИ, 2016. 192 с.
7. Шмитт К. Диктатура. М.: РИПОЛ классик, 2022. 440 с.
8. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum* // Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 5–478.
9. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // Понятие политического : сб. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
10. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил // Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 479–572.
11. Benjamin W. *Theologisch-politische Fragment* // *Gesammelte Schriften* / hrsg. von R. Tiedemann und H. Schweppenhäuser. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. Bd. 2 (1). S. 203.
12. *The Collected Works of Eric Voegelin. Vol. 4. The Authoritarian State: An Essay on the Problem of the Austrian*. Columbia; London: University of Missouri Press, 1984. 396 p.

References

1. Agamben G. *Homo sacer. Suverennaya vlast i golaya zhizn* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life], Moscow, Evropa Publ., 2011, 256 p. [In Russian]

2. Agamben G. *Homo sacer. Chrezvychnoye polozheniye* [State of Exception], Moscow, Evropa Publ., 2011, 148 p. [In Russian]
3. Agamben G. *Ostavshyesya vremya: Kommentariy k Poslaniyu k Rimlyanam* [The Time That Remains. A Commentary on the Letter to the Romans], Moscow, NLO Publ., 2018, 224 p. [In Russian]
4. Agamben G. *Tsarstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya* [The Kingdom and the Glory. For a Theological Genealogy of Economy and Government], Moscow, Saint Petersburg, Izd-vo In-ta Gaydara Publ., 2019, 552 p. [In Russian]
5. Bataille G. Suverenost [Sovereignty], *Proklyataya chast: Sakralnaya sotsiologiya* [The Accursed Share: An Essay on General Economy], Moscow, Ladomir Publ., 2006, pp. 313–490. [In Russian]
6. Benoist A. *Karl Shmitt segodnya* [Carl Schmitt Today: Terrorism, 'Just' War, and the State of Emergency], Moscow, TD IOI Publ., 2016, 192 p. [In Russian]
7. Schmitt C. *Diktatura* [Dictatorship], Moscow, RIPOL klassik Publ., 2022, 440 p. [In Russian]
8. Schmitt C. *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum], Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2008, pp. 5–478. [In Russian]
9. Schmitt C. Politicheskaya teologiya. Chetyre glavy k ucheniyu o suverenitete [Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty], *Ponyatiye politicheskogo* [The Concept of the Political], Saint Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 5–59. [In Russian]
10. Schmitt C. Poryadok bolshikh prostranstv v prave narodov, s zapretom na interventsuyu dlya chuzhdykh prostranstvu sil [Spatial Order of International Law], *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum], Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2008, pp. 479–572. [In Russian]
11. Benjamin W. Theologisch-politische Fragment, *Gesammelte Schriften*, ed by von R. Tiedemann und H. Schweppenhäuser, Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1991, Vol. 2 (1), p. 203. [In German]
12. Voegelin E. The Authoritarian State: An Essay on the Problem of the Austrian, *The Collected Works*, Vol. 4., Columbia, London, University of Missouri Press Publ., 1984, 396 p.

*Статья поступила в редакцию 13.02.2024
Статья допущена к публикации 11.03.2024*

*The article was received by the editorial staff 13.02.2024
The article is approved for publication 11.03.2024*